

Декабрь-72

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КЛУБ СЕВЕРНЫЙ ОГОНЕК

Г. ВАСИЛЬЕВ

Я таким молчаливым не был,
Видно, сказываются года.
И задумчиво как-то с неба
Мне подмигивает звезда.
Тишина напряглась и хочет
Что-то новое разглядеть.
Но по-прежнему дремлют но-
Только утро способно петь.
А я утро свое не заметил.
Запоздалые песни сухи.
Но нашептывал тихий ветер.
Почему-то мои стихи.

* * *

Но поле широко
И надо пахать,
Погонишь на скоком —
Лишь шею ломать.
А мне засторглось,
А мне нечем,
Здоровое тело,
Большое плечо.
А ну-ка, товарищи
Поглядим,
На это «бывало».
А что впереди?
Начало столкнуло,
Вперед повело
И радостным гулом
Накрыло всего.
Товарищ, я еду,
Товарищ, лечу
И новой победы
Изведать хочу.

Г. БРОСЬЧУК

* * *

Споткнулся. Упал.
Не хочу шевелиться.
Стоял прошагал.
Эта — пусть повторится.
Не знаю мягче дорог,
Асфальты меня не волнуют.
Обида съедает,
Что раньше не знал,
Оленью страну,
Тропу моховую.

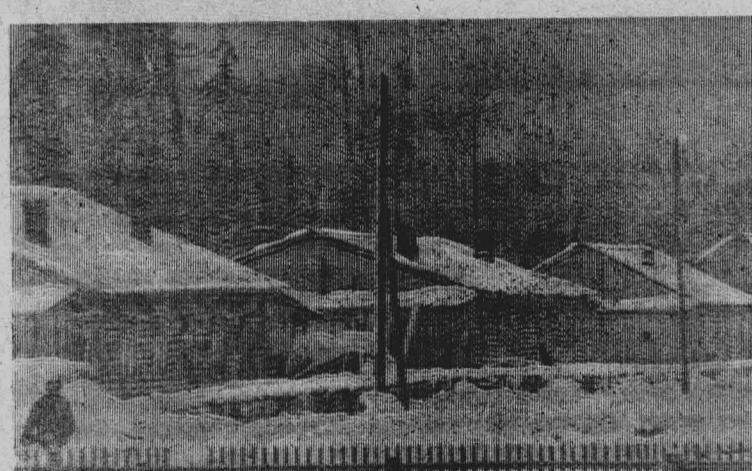
Н. ЕЛЬСКИЙ

ГОРОДА

Мы не зря привыкли величаться
Именами наших городов.
Слушать я, как музыку готов:
«Москвичи», «рижане»,
«ленинградцы».
— каждого в какой-то город тянет,
— взовут — и сердце застучит.
Ну, а я вот просто сургутянин.
«Сургутянин!» Разве не звучит?
Пусть не так, пускай не очень
громко
О себе наш город говорит.

Рабочий поселок

Фото Ю. Спиридонова.

Н. ШАМСУТДИНОВ

ИНТЕРВЬЮ МОНТАЖНИКА СТРЕЛЬЦОВА

— Ликуйте, монтажники.
Морщины на кисти разлопы,
Горит шевелюра, как белыми
нитями лампа,
Умите улыбку, улыбка —
подчеркивать пульс.
— Пуск!
— И каска в руках, как въёрошена
теньканьем пуль...
— Пуск!
— Восторг набежит и отхлынет,
глаза обнажит,
А в синих, спав под овации,
вянет, дрожит
искусство взять подушку в охапку,

накрыться, уснуть...
— Пуск!
— Глядите, под солнцем
подсолнухом выруглив рот,
На широк турбины качается
— монтажный народ,
Клубящийся шапками в стылых
ладонях:
А, пуст...
— Пуск!
— Ну что, аналогия Братску,
Чите, Днепрогэс?
— Есть.
— И там белопенна тучей
набычка вода,
В рывке арматуры лучом
горевая звезда,
Мирож сигареты, теплом
заселившей чертеж?
— Что ж...
— Вас лапало солнце,
полуденный торс закусав,
И бронзой играло с лопаты,
лопатки, куста,
Ломилось на запад, что только
отмаяться ночь,
Клевало на запах разящих

туманами ног?
Умеете много: заглатывал
грейдер бетон,
Чтоб смазать пейзажик Серова
мостовым быком,
В пихавшемся свете прожектора
тлели леса,
Каркас золотым облизав.
— Ну что вы, лишка...
— Тогда почему вам зрачки
оживленны, косы,
Как два пацана о прозрачное
сплющают носы?
Какою же силой их тащят
из луз?
— Пуск!
— Все ясно. Он финиш,
а может быть, старт
Тех станций отчетливых столпкою
будущих карт?
Мы, это не стимул — разлука,
плаккард.
— Как?
— Конечно, романтик, конечно,
Размешист норовистый взгляд,
Он до предела облит,

поднатужиться, взять,
Свести горизонты в одно,
как обятья замкнуть.
О, дайте ладоням хоть небо —
сгребут и сомнут.
Патлатый монтажник,
замасливший робу,
Постройкам мотаясь, тася
дороги,
Учитите, возьмут и седины
реванш.
— У вас.
— А вам не мигало
Засова металлом?
Бессильны ж ракеты, срываясь,
И так же знобящие поник
В рюмашках серванта
Ваш серый усталый двойник.
Податлива, точно трясина,
Тахта издавалась, дразнила.
Отрыжкой, зевотой?
— Чего там.
— Так, значит, мотало
постройкам?
Вы не запираетесь, подстрекните высоких, вы верите, фразы...

Уверенность ваша не фара?
Вы терпите холод, лишены
Всего имущества?
Где вылизал землю лишайник,
Фантазии, разживись очагом,
Хотя б мало-мальскою крышей...
Иначе — крах,
Стрепожит холодом крылья,
Супер-Икар.
Чему улыбается, рад
Смеющимся козырем рта?
— Надеюсь, ты кончишь, братан!
Теперь я — про то,
Чему, сбив короны и фалды
Смятием выгравив рот,
В ноябрь скандируют флаги
С ветров,
К чему, одержимые, прут?
Пуск первого блока, как пуск
Крови, наполнившей пульс!
И, четкое залпы по срезу,
Дыханием небо согре,
Солирует верное сердце
Сургутской ГРЭС.

Т. КАРЕНКО

ПОДСОЛНУХИ

Сотни вились у темной избы, как все, бре-
венчатой избы, только с красным флагом
на крыше. Вышла из избы женщина в
ситцевом платочке.

— Принимай, председательша, новоселы,
— невесело поспустила Степаныч.

Ганку с мамой забрала к себе высоная
худая старуха — бабка Стеша. Она жила
одна и сказала, что ей будет веселее, если
в избе еще живая душа прибавится. Так
же неожиданно, как хмурость изб снаружи,
уливила Ганку необыкновенная чистота
внутри избы. Стены выскоблены, вымыты
до янтарной желтизны, пол сверкает так
ослепительно, что Ганка с мамой невольно
застыли у порога. Бабка Стеша, угадав их
робость, засуетилась:

— Чаво боитесь на него ступить? У меня
и ходить-то некому, вот и блестит. Сейчас
мы скатерть-самобранку на стол постелим,
— щутила бабка. Она раскраснелась, даже
морщины словно разгладились. Радуясь,
что может угостить людей на славу, приго-
варивала:

— Ешьте, ешьте, милые. В дороге, небось,
всако было. Пироги сегодня утром испекла,
укугала, чтоб теплые были. Ешьте, будьте,
как дома.

— Вы, бабко, нас чекали? — спросила
Ганка.

Бабка вдруг всплакнула:

— Горе нас горькое свело, касатушка.

Поздно вечером, когда они с мамой легли
спать в горнице, где горьковато пахло по-
лынью, Ганка шепотом спросила:

— Мамо, а бабца Стеша наша родычка?

— Родычка, спи, — мама прижалась к ее
бочку.

Мама уснула, а Ганка лежала и думала.
Может, уже войны нет? Может, немец
хвост прищемили? Ей так хорошо тут, как
до войны. Бабка Стеша добрая, словно Ган-
кина бабушка. Они будут гостить у нее
долго-долго, а потом к себе в гости позвут.
Вдруг она увидела Юрко тетки Марии и
вислоухого щенка Тобку. «И они тут, — об-
радовалась Ганка. — Бабцю, — позвала
она бабку Стешу, — ось Юрко». «Зарас мы
скатерть-самобранку расстелим», — поче-
муто по украински ответила бабка Стеша.
Ганка оглянулась. Из-за бревенчатой серой
избы приветливо кивали ей солнцеголовые
подсолнухи: «Здравствуй, Ганка!» «Ось мы
и дома», — улыбнулась Ганка во сне.

Ю. ЛАПИН

ПОБЕДА

Солнце выжгло снежные тучи,
Травы окисью покрыл тугой
туман,

Затрубил фонтан, взлетел над
кручеи,
Как Аган в свирепый ураган.
И в награду победившим
людям,
Засверкал на солнце, словно
сталь,
Обратилась в праздник серость
буден,
Вместе с вышкой встав на
пьедестал.

Мечутся встревоженно
болота —

Мончила их сладкий солнечный
век.
В пригорюннях, разбавленную
потом,
Нефть несет на счастье
человек.

Л. ЗАШИХИН

Кедр под белой шапкой
Сладко смотрит сны.
Как медвежьи лапы —
Ветки у сосны.
По сугробам звезды
Разбросал мороз.
И застыли слезы
На ветвях берез.
Небо без морщинок
Здесь бывает злым;
Заметет — не видно,
Словно белый дым.